

И. М. МАЙСКИЙ

Кто помогал Гитлеру (Из воспоминаний советского посла)

<Фрагменты>

<...>

<...> Для предупреждения дальнейших фашистских агрессий и их неизбежного следствия — второй мировой войны надо было создать столь мощную коалицию держав, не заинтересованных в развязывании войны, чтобы у Гитлера и Муссолини отпала охота испытывать ее силу. Мы считали, что Англия, Франция и СССР, взятые вместе, располагают необходимой для того мощностью, но, чтобы эта мощь могла удержать руку фашистских диктаторов, нужно было, чтобы у них не возникало никаких сомнений в том, что она действительно на них обрушится при всякой новой попытке агрессии. А это, в свою очередь, требовало, чтобы объединение названных трех держав было явным, бесспорным, чтобы в сферу его действия входила вся Европа, а не отдельные уголки ее и чтобы условия объединения предусматривали возможно более простую и автоматическую систему санкций против агрессора.

Между тем английское предложение (односторонних гарантий СССР Польше и Румынии. — *Сост.*) совершенно не отвечало таким требованиям¹. Прежде всего оно не создавало никакого общего объединения СССР, Англии и Франции для борьбы с агрессией в Европе, а ограничивало совместные действия трех держав только случаем нападения Германии на Польшу и Румынию. Английское предложение, таким образом, не могло вообще предупредить войну, оно могло лишь «канализировать» агрессию в тех направлениях, которые не были защищены «гарантиями», в частности в столь важном для СССР направлении, как прибалтийские государства.

Далее, английское предложение не предусматривало никакой военной конвенции между тремя великими державами, точно устанавливающей размеры, сроки, условия и т. п. вооруженной помощи, оказываемой ими друг другу и жертве агрессии. А это имело первостепенное значение. Советский Союз уже имел в данном вопросе весьма неприятный опыт с Францией. В мае 1935 года, как уже упоминалось, между СССР и Францией был заключен пакт взаимопомощи², но выработка и подписание подкрепляющей его военной конвенции были отложены на более поздний срок. Однако быстро сменяющиеся французские правительства систематически саботировали заключение такой конвенции, и в 1939 году ее все еще не существовало. Естественно, что отсутствие в английском предложении всякого намека на возможность заключения военной конвенции Советское правительство рассматривало как очень серьезный недостаток. Любое соглашение для борьбы с агрессорами должно было иметь острые зубы. Без таких зубов оно превращалось в картонный меч, которым можно было размахивать, но которым нельзя было разить.

При такой общей неопределенности структуры «гарантий» неизбежны были разнобой между участниками соглашения в толковании взятых на себя обязательств, трудность выработки общей стратегии и тактики, медлительность в действиях и многие другие неувязки. В конечном счете английское предложение не могло способствовать созданию той концентрации мощи на стороне миролюбивых держав, которая одна могла удержать фашистских диктаторов от новых актов агрессии. И еще менее оно могло обеспечить быстроту и единство карательных действий Англии, Франции и СССР против тех, кто хотел бы развязать вторую мировую войну.

Но английское предложение не только оказывалось бесполезным для предупреждения новой мировой бойни, оно было также оскорбительно для СССР, ибо ставило его в неравное положение по сравнению с Англией и Францией. Советское правительство интересовалось при этом, конечно, не юридической, а фактической стороной вопроса. Фактическое же положение сводилось к тому, что Англия, Франция и Польша были связаны между собой соглашениями о взаимопомощи, и в случае нападения Германии на одну из них две другие державы должны были немедленно прийти ей на помощь всеми доступными им средствами (в том числе и вооруженными). Советский Союз, напротив, имел

пакт взаимопомощи только с Францией. Ни Англия, ни Польша не обязаны были ему помогать в случае нападения на него Германии. А между тем предоставление Советским Союзом «гарантий» Польше и Румынии несомненно должно было ухудшить его отношения с Германией и повысить опасность гитлеровской агрессии против Советской страны, в частности через Прибалтику. Получалось явное неравноправие СССР с Англией и Францией в столь важном вопросе, как национально-государственная безопасность. Это имело первостепенное значение.

Таковы были главные соображения, по которым Советское правительство увидело себя вынужденным отвергнуть английское предложение. Но оно на этом не остановилось. Хотя история с Чехословакией и Испанией сильно подорвала его веру в готовность Англии и Франции добросовестно выполнять взятые на себя обязательства, хотя их поведение в связи с захватом Мемеля и Албании фашистскими державами не обещало ничего хорошего, все-таки Советское правительство не считало себя вправе махнуть на них рукой. Момент был слишком серьезен, опасность второй мировой войны была слишком велика, чтобы под влиянием даже вполне законной эмоции отбрасывать в сторону хоть самый малый шанс спасения мира от новой ужасной катастрофы. В этот роковой час Советское правительство решило следовать лишь велениям здравого смысла и сделать еще одну попытку договориться с Англией и Францией о совместных действиях против фашистских агрессоров. Но это должна была быть *действительно серьезная попытка* с выдвижением серьезных предложений и применением серьезных средств для достижения поставленной цели — предотвращения второй мировой войны.

Учитывая как английскую, так и французскую позиции, правительство СССР 17 апреля 1939 г., то есть через три дня после того как британское правительство сделало нам предложение о предоставлении односторонней гарантии Польше и Румынии, выдвинуло свое предложение. Суть его сводилась к трем основным пунктам:

1. Заключение тройственного пакта взаимопомощи между СССР, Англией и Францией.
2. Заключение военной конвенции в подкрепление этого пакта.
3. Предоставление гарантий независимости всем пограничным с СССР государствам, от Балтийского моря до Черного.

Передавая наше контрпредложение Галифаксу³, я сказал:

— Если Англия и Франция действительно хотят всерьез бороться против агрессоров и предотвратить вторую мировую войну, они должны будут принять советские предложения. А если они их не примут...

Тут я сделал красноречивый жест, смысл которого нетрудно было понять.

<...>

<...> Наш посол во Франции Я. З. Суриц⁴, человек большой культуры и широкого политического горизонта, охотно посвятил меня во все детали парижской ситуации.

— Даладьё при всех своих недостатках (а их у него очень много), — заключил Суриц, — все-таки легче, чем Чемберлен⁵, пошел бы навстречу нашим контрпредложениям... К тому же Франция уже имеет пакт взаимопомощи с СССР... По крайней мере на бумаге... Вот сейчас, например, французское правительство настаивает перед британским, чтобы оно приняло за основу наши предложения о тройственном пакте взаимопомощи, сделанные 17 апреля... Леже (генеральный секретарь французского министерства иностранных дел) даже составил контрпроект тройственного пакта для предъявления Советскому правительству... Он более узок, чем наш, но построен на той же базе. Однако Лондон не хочет его принять и продолжает поддерживать свое предложение об односторонней гарантии СССР Польше и Румынии, которое он сделал 14 апреля... Не знаю, чем закончится англо-французский спор, однако настроен я пессимистически.

Суриц безнадежно махнул рукой и затем продолжал:

— Вся беда в том, что Франция в наши дни не имеет самостоятельной внешней политики, все зависит от Лондона. Франция наших дней — это великая держава второго ранга, считающаяся великой державой больше по традиции... И — странно! — французы с этим как-то примирились... Плетутся за Англией... В англо-французском блоке они рассматривают себя как державу № 2 и не возмущаются...

<...>

Мы надеялись, вернее, хотели надеяться, что хотя бы теперь, к началу июня, правительства Англии и Франции кое-чему научились и поняли необходимость (пусть для них не совсем приятную необходимость, но все-таки необходимость) создать вместе с СССР единый фронт против агрессии. Во всяком случае мы считали своим политическим и историческим долгом, несмотря

на все разочарования прошлого, еще раз сделать попытку найти общий язык с англичанами и французами. И мы действительно ее сделали, уверенные, что при доброй воле с обеих сторон тройственный пакт взаимопомощи может быть заключен в самый короткий срок, во всяком случае в течение июня.

К сожалению, мы жестоко ошиблись. Чемберлен и Даладье (имя Даладье я тоже беру здесь и в дальнейшем не только как личности, но и как воплощение пресловутых 200 семей) продолжали крепко цепляться за свою непреклонную линию, то есть за политику сраживания Германии и СССР. Даже в этот момент, когда грозный призрак второй мировой войны уже явственно обрисовался на горизонте, они больше всего помышляли не о том, как бы поскорее заключить тройственный пакт, а о том, как бы избежать необходимости его подписания.

<...>

25 мая Сиидсу⁶ были посланы новые инструкции. В соответствии с этим британский посол в Москве (равно как и его французский коллега Наджиар⁷) предложил Советскому правительству свой проект тройственного пакта взаимопомощи. Сущность его сводилась к следующему:

1. Англия, Франция и СССР, «действуя в соответствии с принципами ст. 16, § 1 и 2 устава Лиги наций», оказывают друг другу всяческую поддержку и помощь в трех случаях:

а) если кто-либо из них подвергся агрессии со стороны европейской державы;

б) если кто-либо из них вовлечен в военные действия как результат предоставления гарантии какому-либо европейскому государству и в) если кто-либо из них вовлечен в военные действия как результат помощи какому-либо европейскому государству, которое, не имея гарантии от участников пакта, тем не менее обратилось к ним за помощью в борьбе против агрессии (ст. ст. 1 и 2).

2. Три правительства должны обсудить совместно методы, с помощью которых их взаимная поддержка и помощь могут в случае нужды дать наиболее эффективные результаты (ст. 3).

3. Пакт заключается на пятилетний срок.

Разумеется, этот проект никак не мог удовлетворить СССР, ибо он имел ряд недостатков, главными из которых были:

Во-первых, он связывал тройственный пакт с Лигой наций. Это фактически означало, что при господствовавших в данной организации правилах и нравах пакт никогда не привел бы

к быстрым и эффективным действиям. Все ограничилось бы красивыми словами и бумажными резолюциями.

Во-вторых, он ставил СССР в неравноправное положение с его партнерами, обязывая СССР приходить на помощь Англии и Франции, если они будут вовлечены в войну как результат их гарантии Польше, Румынии, Греции и некоторым другим государствам, но он не обязывал Англию и Францию приходить на помощь СССР, если последний будет вовлечен в войну вследствие нападения Германии на прибалтийские государства, ибо Англия и Франция не давали им гарантий. А между тем с этой стороны СССР всегда мог ждать различных неприятных сюрпризов.

Наконец, в-третьих, пункт о подкреплении пакта военной конвенцией был сформулирован так общо и неопределенно, что трудно было сказать, когда военная конвенция будет подписана и будет ли она подписана вообще. Невольно создавалось впечатление, что англичане и французы мыслят себе пакт, как еще одну «бумажку», которой можно спекулировать в переговорах с Германией, но не как действительный инструмент борьбы с агрессией, вооруженной острыми зубами.

Да, содержание англо-французского проекта пакта наводило на грустные размышления и не предвещало ничего хорошего, но все-таки советская сторона решила продолжить переговоры в надежде постепенно выправить положение. Поэтому 2 июня Советское правительство вручило своим партнерам по переговорам контрпроект, сущность которого сводилась к следующему:

1. Франция, Англия и СССР оказывают друг другу немедленную эффективную помощь, если кто-нибудь из них окажется вовлеченным в военные действия с европейской державой в случае:

а) агрессии этой державы против одного из участников пакта;
б) агрессии этой державы против Бельгии, Греции, Турции, Румынии, Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии, которых Англия, Франция и СССР обязались защищать от нападения, и в) оказания помощи одним из участников пакта какой-либо европейской державе (не из числа гарантированных), которая просила о такой помощи для борьбы против нарушения ее нейтралитета.

2. В случае возникновения совместных военных операций как результат применения пакта, подписавшие его три державы обязуются заключать перемирие или мир только с общего согласия.

3. В случае возникновения угрозы агрессии со стороны европейской державы три участника пакта немедленно консультиру-

ются и в случае надобности сообща решают, когда и как должен быть пущен в ход механизм взаимной помощи, независимо от любой процедуры, установленной Лигой наций для рассмотрения данного вопроса.

4. Три участника пакта в возможно более короткий срок заключают соглашение о методах, формах и (размерах взаимной помощи друг другу. Пакт входит в силу одновременно с этим соглашением.

5. Пакт заключается на пятилетний срок.

<...>

<...> Споры по поводу определения агрессии шли весь июль, продолжались в августе, не приводя ни к какому соглашению. Они так и не были закончены до краха тройных переговоров вообще.

Здесь я должен опять упомянуть о расхождениях, возникших между англичанами и французами в ходе переговоров. В телеграмме Сиидса от 22 июля имеется такой пункт:

«Личный взгляд французского посла сводится к тому, что определение косвенной агрессии, предложенное Молотовым, может быть принято, и он дал понять мне в частном порядке, что таково же и мнение французского правительства. Французскому послу все труднее поддерживать оппозицию правительства его величества к формуле Молотова».

Одновременно, того же 22 июля, Галифакс телеграфировал Сиидсу:

«В Париже и Лондоне появились газетные сообщения о том, что французское правительство готово пойти на все уступки Молотову и тщетно пытается повлиять на правительство его величества в этом направлении. Вы можете сказать своему французскому коллеге, если он поднимет этот вопрос, что, по всем имеющимся у нас данным, утечка информации произошла из французского источника».

<...>

<...> Французское правительство пошло по пути, проложенному его лондонскими коллегами: главой французской делегации был назначен корпусной генерал Думенк, членами — авиационный генерал Валэн и морской капитан Вийом. Здесь также не было ни одного человека, который мог бы с авторитетом говорить от имени всех вооруженных сил своей страны. <...>

<...>

<...> Общая картина вооруженных сил трех держав получилась такая.

Франция располагала 110 дивизиями, не считая противозенитной обороны, береговой обороны и войск, расположенных в Африке; сверх того имелось до 200 тыс. войск республиканской Испании⁸, отступивших во Францию после победы Франко и просивших принять их во французскую армию. На вооружении французских сил имелось 4 тыс. современных танков и 3 тыс. пушек крупного калибра от 150 мм и выше (не считая дивизионной артиллерии). Военно-воздушный флот Франции состоял из 2000 самолетов первой линии, около двух третей которых являлись современными по тогдашним понятиям, самолетами со скоростью истребителей 450–500 и бомбардировщиков 400–450 км в час.

Англия располагала готовыми 6 дивизиями, могла «в кратчайший срок» перебросить на континент еще 9, а «во втором эшелоне» добавить сверх того 16 дивизий — всего, стало быть, 32 дивизии. Военно-воздушные силы самой Англии включали свыше 3 тыс. самолетов первой линии.

Советский Союз располагал для борьбы с агрессией в Европе 120 пехотными и 16 кавалерийскими дивизиями, 5 тыс. тяжелых орудий, 9–10 тыс. танков и 5–5,5 тыс. боевых самолетов.

Кроме того, к услугам трех великих держав имелись *военно-морские флоты*, среди которых особенным могуществом отличался британский флот.

<...>

Воспоминания советского дипломата

<Фрагмент>

<...> К северу от «линии Мажино» имелась большая неукрепленная полоса, через которую немцы всегда могли обойти и действительно обошли главную линию французской обороны. Положение ухудшалось еще тем, что военные руководители Франции (в частности, Петэн), будучи в плену стратегических концепций первой мировой войны, почему-то считали, что Арденны непроеходимы для германской армии, и потому находили излишним

строить «линию Мажино» на этом участке. В те времена только де Голль понимал, что развитие военной техники придаст будущей войне совсем другие формы и откроет перед врагом совсем другие возможности, чем в 1914–1918 гг. Но де Голль тогда имел еще скромный чин полковника и не пользовался влиянием среди лидеров французской армии.

<...>

